

«Не бездарна та планета, // Не погиб ещё тот край, // Если сделался поэтом // Даже Тряпкин Николай», – с озорной и добродушной самоиронией, без малейшего намёка на бахвальство отозвался о себе русский, подлинно народный поэт Николай Иванович Тряпкин. Он ни разу не сетовал по поводу своей непритязательной фамилии и не предал родовую память, когда при публикации первых стихов в журнале «Октябрь» осенью 1946 г. ему настойчиво рекомендовали подобрать звучный псевдоним. Но ведь не имя красит человека, а наоборот. И перечитывая сегодня книги Николая Тряпкина, вновь и вновь осознаёшь, что его простая, грубоватая фамилия прославила и русский народ, и русскую поэзию.

Николай Тряпкин увидел свет в семье крестьянина-столяра деревни Саблино (ныне несуществующей) Старицкого уезда Тверской губернии 19 декабря 1918 года, как раз на зимний праздник Николая Чудотворца. Родившийся, словно вопреки разгорающемуся вокруг гражданскому братоубийству, поэт все отведённые ему года, даже «среди лихой всемирной склоки, // Среди пожаров и смертей» чутким и чистым сердцем будет вслушиваться в «великую мелодию слиянья», соединяя в стихах ликующую радость от счастья жить на Земле и неустанную заботу о его бережном сохранении. Первое и главное слагаемое этого счастья запечатлелось для него в одном-единственном и самом дорогом слове – Родина:

Скрип моей колыбели!
Скрип моей колыбели!
Древняя сказка прятки,
Зимний покой в избе.
Слышу тебя издалека,
Скрип моей колыбели,
Помню тебя изглубока,
Песню пою тебе.

Мотив крестьянского первородства пройдет сквозь всю лирику Тряпкина неразрывной путеводной нитью: «Но живут в моем сердце все те перезвоны ржаные, // И луга, стога, и задворки отцовской избы, // И могу повторить, что родился я в сердце России, – // Это так пригodiлось для всей моей грешной судьбы».

Образ саблинского детства является, по сути, одним из главных в его поэзии. Николай Тряпкин восхищается всеми без исключения приметами сельского бытия, в том числе самыми прозаическими:

А за нами сараи в извечных метёлках пырея,

И в поленицах дров, и с помётом от кошек и птах.

И под солнцем весенним сушились верёвки и шлеи,

Хомуты и седёлки, и дровни при всех копылах.

Деревенское воспитание было немислимо без высших нравственных авторитетов – бабушек и дедушек. И поэт посвятил своим многочисленным бабкам, которых у него было «...премного // И родных, и побочных», несколько проникновенных стихотворений, в том числе «Стихи о моих бабках»,

«Бабка», «Семейные забавы», утверждая вечную неразрывную связь поколений:

Ах вы, бабки мои! Да пребудет вам пухом лежанье!

Да святится ваш дух и в заветах грядущей семьи!

Пролетают года, превращаясь в земные преданья,

Превращаясь в легенды и в эти вот песни мои.

Тем не менее обилие деревенских мотивов в лирике Н. Тряпкина не даёт оснований вставлять его в обойму «деревенщиков». Сам же поэт хитро усмехался в ответ: «Не сумели меня прокрусты // Уложить на свою доску...» Это действительно так: его стихи – цепь разительных перевоплощений – образных, временных, пространственных. Раздумчиво-спокойное бытописание тверской сельщины оттеняется резкой сочностью картин русского Севера, Алтая и Курил; предельная реалистичность жанровых зарисовок из послевоенных колхозных будней с годовыми отчётами и селькорами сменяется мощью библейских образов и величественной красотой античных сюжетов; сливаются в раздольном потоке история и современность:

Исполнился Гнев, прозвучавший из Божьего Лона,

И чёрные совы кричат на воротах Сиона,

И чёрные змеи ползут из Священной криницы,

И скачут по городу волки, хорьки и лисицы.

Николай Тряпкин мастерски освоил едва ли не все имеющиеся поэтические жанры. Эпическая размеренность дум, былин и сказаний прерывается у него то стилизованной ясностью и отточенностью

классических элегий, од и стансов, то задорными, переливчатыми ритмами прибаюток и частушек. Фольклор, народная обрядовая и речевая культура, древние славянские верования – живой и неисчерпаемый источник, питающий эстетическую самостоятельность его творчества:

Где там ели проскрипели?

Чей там шёпот, чей там крик?

Разгадать бы травный шелест,
Положить на свой язык!

Любое стихотворение Тряпкина сверкает и искрится драгоценными россыпями языковых богатств; и не устаёшь поражаться тому, в каких неиссякаемых кладовых народной речи находит он нужные именно здесь, на редкость верные, свободные, летящие слова – или возвышенно-книжные, или по-народному солёные, или остро-публицистические, умея заставить и самые скромные из них сиять первозданным блеском:

Ивняковый, травяной, долинный

Мир, поющий ветром и лозой!

Журавлиной цепью длинной-длинной

Ты опять проходишь надо мной.

Эклектика? Нет! Истинная и ярчайшая самобытность, контрастная органичность мировидения, синтез прошлого и настоящего, реальности и легенды, сопряжённость Земли и Неба. Лирика Николая Тряпкина может быть уподоблена грандиозной симфонии, чья партитура отличается тончайшей полифонией и виртуозной ритмикой:

Друзья мои! Да что со мной?

Гремят моря, сверкают дымы,
Гуляет космос над избой,
В душе поют легенды Рима.

А судьба поэта чуть было не обернулась трагедией. «Во время коллективизации, в 1930 г., семья перебралась в один из совхозов Московской области, в районный центр Лотошино», – сообщит он позже в автобиографии. Сказано нейтрально, как о чём-то мало-существенном. Вот только «перебралась» в Лотошино семья Тряпкиных отнюдь не по доброй воле: она спасалась от раскулачивания. Заработки отца-столяра, мастера – золотые руки, который постоянно получал выгодные подряды, и крепкое крестьянское хозяйство давали возможность жить в достатке:

Принимали гостей. Ибо сами гоститься любили.

И скажу – не гордясь, а всего только суть возлюбя:

Не любили заплат. И лаптей никогда не носили.

В подковырянных валенках тоже не помню себя.

Сам глава был столяр и с весны уходил на подряды.

Значит, править хозяйством семья оставалась втроем.

А ведь были – крестьяне. И все наши копны и гряды

Не давали нам скидок в положенном круге своём. <...>

Ни зернинки под снег. И под дождь – ни единой сенинки.

Ни косилок, ни жаток. Они только снились отцам.

А ведь крикали утки, звенели молочные кринки,

И готовилось пиво ко всем храмовым торжествам.

В год великого перелома Тряпкины, «только тем и виновны, что жили покрепче других», чуть-чуть не разделили страшную участь тысяч и тысяч спецпереселенцев, сгинувших в глухой сибирской тайге. Спас председатель местного сельсовета, приказав уезжать из

родных мест, и как можно скорее. Об этой печальной странице своей жизни поэт рассказал только в 1982 г. в стихотворениях-воспоминаниях «Жили мы вчетвером», «Изба», «Стихи про одну сходку», «Стихи о первом совхозе», «Лотошино», «Песнь о лучшей собаке», «Стихи о земных переменах»:

Это было в те дни, что при- снятся и в славе грядущей.

Побросали мы всё – и, дай Боже, скорей наутёк.

Поскорее туда, к подмосковным спасительным кущам,

Под казённую крышу, на твёрдый совхозный паёк!

В Лотошино семья Тряпкиных уютилась в длинном кирпичном бараке. Поэт вспоминал:

«Жить было тесно и грязно, а главное – голодно. Подсобного хозяйства не имели, а времена были не из хлебных. Поэтому года через два, в соседней деревне Ивановское, родитель мой приглядел избёнку в три окошечка, сторговал её у владельца, переезжавшего куда-то, и снова мы стали хозяевами деревенской хаты и деревенского огорода».

Это была, хотя и не сравнимая с прежней, но все же возможность заниматься привычным крестьянским трудом: «И воспрянул папаша пред видом такого сюрприза: // Занимай свою должность, стругай под совхозным крылом, // А под вечер – домой, на свою деревенскую мызу: // Ковыряйся в навозе! Работай с печным помелом!»

Для самого Николая Тряпкина это было возвращением в любимую среду, к истокам естественно-го бытия:

Принимай же, Изба! Распахни свои древние прясла!

Приголубь же меня, пацана из тверских деревень!

И я сделаю всё, чтобы печка
твоя не погасла,

Подновлю твои стены, украшу
сиренью плетень.

Так уже с ранних лет отпеча-
тался на сердце поэта болезненной
зарубкой горький опыт несправед-
ливости разобщения, насильствен-
ного отлучения от всего по-детски
доброго и до боли родного, что
до скончания дней отложилось в
его творчестве благодатным кладом
кровной, неразрывной связи с
народом:

Нет, я не вышел из народа.

О чернокостная порода!

Из твоего крутого рода

Я никуда не выходил.

«С годами выявлялся опреде-
ляющий мотив творчества Нико-
лая Тряпкина – мотив Памяти.
Памяти, несущей в себе всё тяжё-
лое, трагическое, надрывное, что
сосредоточилось в истории унич-
тожения русского крестьянства
и его самобытной культуры...», –
подчёркивал критик С. Куняев. И,
конечно, из памяти поэта не могли
исчезнуть ни саблинское детство
(«А нынче вновь увидел я во сне
// Всё то же детство, сгинувшее
где-то»), ни Тверской край, гео-
графические названия которого
постоянно появляются в его сти-
хотворениях: «Пройду, если надо,
ко Ржеву, // А нет – так сверну на
Торжок», «Ой, далёко, очень далё-
ко // Наше поле и город Зубцов!»,
«И пусть про Вязьму и про Стари-
цу // Опять звенит моя гармонь»,
«И катилась наша рессорка // В
голубеющий город Тверь» и т.д.

Мотив памяти связан с без-
брежной любовью к Родине, кото-
рая прорывается в стихотворениях
Н. Тряпкина удивительной много-
ликостью и многоцветием окру-
жающего мира. Поэт не устаёт
живописать деревенскую Россию

с медовыми запахами просёлков
и заманчивостью лугового разно-
травья, с плавным течением реч-
ных вод и призывными шумами
леса. Он всякий раз открывает
многожды виденное с совершенно
простой и в то же время не ожи-
данной стороны:

Милый край от Волока до Ржева!..

Светлый сон, идущий сквозь века!..

Ты – как снег февральского пригрева,

Ты – как нежный запах молока.

Хорошо здесь в Шоше искупаться.
Взять поехать на базар в Зубцов
И от критиков позатеряться
Средь полей, черёмух и скворцов.

Обыденные приметы быта
легко возводятся им в предмет,
достойный любви и поэтического
воплощения:

Сегодня апрель.

И вода и скворешни.

Люблю побродить по сумятице
вешней.

По чёрному льду, по земле, по
навозу,

Влюбляясь в родную житей-
скую прозу.

И следом в «родную прозу»
вплетается нечто мифологическое,
наполненное предчувствиями
таинственных сил природы:

Я уходил в леса такие,

Каких не сыщешь наяву,

И слушал вздохи колдовские,

И рвал нездешнюю траву.

И зарывался в мох косматый,
В духмяный морок, в дымный
сон,

И был ни сватом и ни братом –
Жилец бог весть каких времён.

Естественность сочетания
самых разнородных содержатель-
но-образных пластов составляет
основу оригинальности лирики
Николая Тряпкина. Поражает она

и жаждой путешествия в запретельные глубины Вселенной. Поэт смотрит из неведомых далей на «голубой фонарик Земли», мечтает о могучих звездолетных кораблях, уходящих в вечное пространство и, вслушиваясь во вселенское звучание, дерзновенно обращается к Космосу, готовый рассеять его мрак созидательным трудом и Словом:

Эй, Космос!

Ты вечен и тёмён,

А я к темноте не привык.

Даю тебе свет моих домен

И лучших поэтов язык.

Вдохновенный певец Руси деревенской, Николай Тряпкин стал певцом и «Руси радарной», Руси – космической державы. Единичную судьбу поэт связывал с судьбой планетарной цивилизации, и постепенно у него выкристаллизовалось собственное понимание космической сути земного человека, сжатое до чеканной и ёмкой формулы: «Я вышел оттуда, где все можно делать сначала...» Эти окропленные потом и кровью пращуров слова – песнь во славу воистину бесконечной выносливости нашего народа, наполненная твёрдой верой в неистребимую крепость его национального духа и физических сил. Веками приходилось русскому человеку всё «делать сначала»: возводить избу на пепелище и поднимать из руин храмы, вновь засеивать хлебом поля, вытоптаные дикой ордой кочевников или искореженные железом танковых армад, рожать детей, взамен погибших в битвах, и писать книги, взамен уничтоженных врагом. Вот чем держалась и будет держаться сильная и многострадальная Русь-Россия, которая в своей уже всекосмической отзывчивости идёт в стихах

Николая Тряпкина не завоевывать неведомые миры других планет, а обустроить их с самого начала, с топора:

За годами годы – и Русь моя вся под антенной.

Горят на экране, звенят позывные Вселенной.

Готовь же свой парус туда – к запретельным причалам,

Чтоб выйти, коль надо, опять с топором и кресалом!

Научно-технический прогресс XX века не только распахнул человечеству двери в космос, но и одновременно поставил под прямую угрозу жизнь самой Земли. Поэт видит, что «на все цветы и зарожденья // Ложится пепел роковой». И тогда в его стихах возникают фантазмагорические очертания планетарного Апокалипсиса:

Всё кругом бетонное –
Солнце и вода,
И в котлах реакторных
Варится еда.

И горит за городом
Атомный закат.
И стоит над городом
Атомный солдат.

Единственной преградой, способной остановить вселенское безумие и повергнуть силы зла, вновь становится Россия, спасительница мира:

И расщепляются стихии,
И рвутся тверди под Ядром.
И снова ты, моя Россия,
Встаёшь смиренным щитом.

С 1989 г. вплоть до смерти поэта не вышло из печати ни одной его новой книги, но Николай Тряпкин неустанно продолжал творить. Причина такого отношения объясняется гражданской позицией

поэта: его стихотворения, которые время от времени публиковали патриотические газеты и журналы, пылали негодованием к растлителям и разрушителям России, великой скорбью о гибели будущего страны:

Воруют грунт из-под двора,
Воруют дно из-под кадушки.
Воруют совесть у Петра,
Воруют душу у Марфушки...

Кого просить? Кому кричать?
И перед кем стоять в ответе?
И что мы будем воровать,
Когда растащим всё на свете?

В последние годы жизни Николая Ивановича одолевали болезни. Рассказывают, что он попросил убрать из своей комнаты все календари и часы: скорее всего, поэту хотелось остаться один на один с Вечностью, воплотив давнюю мечту: «Затвориться б в скиту. И возжечь бы старинную

свечку. // За себя и других наконец помолиться желаю».

Искренней молитвой (не в формальном, конечно же, а в духовном смысле) за Русь и русский народ была вся поэзия Тряпкина, которая, по его словам, «иль ноша крестная, иль сам голгофский крест».

С. Куняев писал: «Зимой 1999 года мы проводили в последний путь одного из драгоценнейших русских поэтов второй половины XX столетия. Кончина его была окружена гробовым молчанием, большинство населения России так и не узнало, кто в те морозные дни завершил свой земной путь».

Сам Николай Иванович Тряпкин, славный уроженец Тверского края, сын всей России, навсегда остался в XX веке. Но его звонкий и приглушённый, гневный и добрый, насмешливый и грустный поэтический голос не умолкнет и в XXI веке.

Стихи Николая Тряпкина

ЛУННЫЙ ЧАС

Полнолунный простор, фосфористый снежок.
Одинокий мой путь серебрист и широк.

Я пришпорил коня в этот плен световой,
Погружаясь в торжественно-белый покой.

Я люблю, когда снег, под луной излучась,
Отливается вдруг в синеватую ясь,

И на дымке лесов, на сугробинах коч
И горит и молчит светозарная ночь.

Пусть потонет луна в набежавших тенях,
И ясней засверкают огни в деревьях, —

Я в померкших полях осажу скакуна,
Вновь дождусь, когда ночь околдует луна,

И замру, отражён янтарями луны,
Пред блаженно-сияющим сном тишины.

1943

* * *

Я тобой, как брагой, отуманен,
Горная алтайская заря.
Что с того, что родом я тверчанин,
Именем старинным говоря?

Ты во все края, поля и недра
Льёшься с гор брусничною водой
И совсем по-родственному, щедро,
Сбрызгиваешь хлеб мой гостевой.

Эх, Катунь! Не здесь ли вот когда-то
Под салют гвардейского полка
Мой отец зарыл родного брата,
Срезанного саблей Колчака?

И на жатве с песнею моторов,
Нынешним досугом поступаясь,
С вами я, захвоенные горы,
Закрепляю родственную связь.

Только вот скажу здесь не в обиду,
Что из вас дороже мне всего
Тот курган, стоящий пирамидой,
Может, с прахом дяди моего.

И в тени скалистых коридоров
На Катунь зелёную дивясь,
Я в себе, как силу и как порох,
Чую эту родственную связь.

Здравствуй же, в сиреновом тумане
Горная алтайская заря!
Что с того, что родом я тверчанин,
Именем забытым говоря?
На большие тыщи километров
Тянется мой корень родовой,
И совсем по-свойски ваши кедры
Делятся орехами со мной.

1952

* * *

*К востоку, всё к востоку
Стремление земли.*

В.А. Жуковский

Бабочка белая! Бабочка белая!
В травах горячих земля.
Там, за притихшей лесною капеллою,
Слышится всхлип журавля.

Речка бежит, загибая за просеку,
Жёлтый погнавши листок.
Бабочка белая с чёрненьким носиком!
Лето пошло на восток.

Чуешь, как мир убегает в ту сторону –
Горы, леса, облака?
Сосны гудят – и старинному ворону
Прошлые снятся века.

Сколько жилось ему смолоду, смолоду
В гулкой лесной глубине?!
Ты же погибнешь по первому холоду.
Много ль держаться и мне...

Думы наплыли, а сосны качаются,
Жёлтый кружится листок.
Речка бормочет. Глаза закрываются.
Время бежит на восток...

Пусть же послышится песня знакомая
Там, за Вечерней Звездой.
Может, и мы здесь июльскими дрёмами
Завтра проведем с тобой.

Годы промчатся, как соколы смелые,
Мир не устанет сиять...
Бабочка белая! Бабочка белая!
Кто бы родил нас опять!

1960

* * *

Я не был славой затуманен
И не искал себе венца.
Я был всегда и есть крестьянин —
И не исправлюсь до конца.

И вот опять свой стих подъямлю
Пред ликом внуков и сынов:
Любите землю, знайте землю,
Храните землю до основ.

Не будьте легче мысли птичьей —
Врастайте в землю, как в гранит.
Она всему даёт обличье
И всё навеки утвердит:

И нашу суть, и нашу славу,
И запах лучшего плода, —
И нашу русскую державу
Оставит русской навсегда.

И потому-то землю надо
Особой меркой измерять:
Она не только хлеб и стадо,
Она ещё — сестра и мать.

И потому-то в поле вешнем
Сними-ка, братец, сапоги,
И постарайся быть безгрешным,
И никогда земле не лги.

И я не с тем ли, не затем ли
Даю стихам высокий лад
И вот кричу: не грабьте землю,
Не будьте прокляты стократ!

Она не только хмель и сыта,
Она ещё – сундук и клеть,
И нашей речи знаменитой
При ней вовек не оскудеть.

И нашу суть, и нашу славу
Она не спустит без следа
И нашу русскую державу
Оставит русской навсегда.

1969

* * *

Чёрная, заполярная,
Где-то в ночной дали,
Светится Русь радарная
Над головой Земли.

Над глухотой арктической
И над гульбой стилиг
Крутится тот космический,
Тот заводной ветряк.

Невидадь ты ушастая!
Гаечный нетопырь!
Громко тебе приятствую
Или твержу псалтырь.

Пусть ты не сила крестная
И не исчадьё зла.
Целая поднебесная
В лапы твои легла.

Русь ты моя глобальная!
Знаю твою беду:
Скрипкою величальною
Дьявола не отведу.

Бредится иль не бредится,
Только у той скирды
Чую Большой Медведицы
Огненные следы...

Сторож Млечного пояса!
Свято твоё копьё.
Стонет радарным полюсом
Бедное сердце моё.

Пусть я не тварь господняя,
Но и не червь земли.
Небо и преисподняя
В песни мои легли.

1978

* * *

Деревенька была небольшая, совсем небольшая.
За полсотню дворов – на пригорке, поросшем травой.
В два порядка дома. Дом родителей с самого края.
Вот он смотрит на юг. Там овины и клин полевой.

А за нами сараи в извечных метёлках пырея,
И в поленницах дров, и с помётом от кошек и птах.
И под солнцем весенним сушились верёвки и шлеи,
Хомуты и седёлки, и дровни при всех копылах.

А кругом – всё поля, да луга, да уголья лесные.
И хлеба колосились буквально – у самой избы.
И могу повторить, что родился я в сердце России,
Это так пригodiлось для всей моей грешной судьбы.

И в густейшем укропе тонули все наши усадьбы,
И в пасхальных качелях звенели все наши дворы.
А по свежим снегам проносились весёлые свадьбы,
И пестрели на санках дерюжные наши ковры...

До чего же давно прошумели все эти забавы!
И давно уже нет на земле деревеньки моей.
Там весною теперь зацветают покосные травы,
И в густом ивняке запекает в ночи соловей.

Но живут в моём сердце все те перезвоны ржаные,
И луга, и стога, и задворки отцовской избы.
И могу повторить, что родился я в сердце России,
Это так пригodiлось для всей моей грешной судьбы.

1982

Среди лихой всемирной склоки,
Среди пожаров и смертей
Все реки наши и потоки
Для нас всё ближе и святей,

И каждый цвет, и прозябанье,
И солнца вешнего набат...
Земля моя! Моё сказанье!
Мой неизбывный Вертоград!

Но как страшны твои дороги
Среди людских кровавых смут!
Какие дьявольские роги
Из каждой пропасти ревут!

И рвутся взрывы огневые,
Живую плоть твою губя.
И не хотят сыны мирские
Прожить достойными тебя.

И кто решит: какую участь
Готовит нам железный хай?
И я молю твою живучесть
И вновь кричу: не иссякай!

Увы! Не древние Титаны
Из бездны дыбом поднялись,
А племена твои и страны
В звериной ярости сплелись.

И расщепляются стихии,
И рвутся тверди под Ядром.
И снова ты, моя Россия,
Встаёшь смирительным щитом.

Прости, великая Отчизна!
Не утомлю тебя хвалой.
Но не справляй последней тризны
Над этим прахом и золой.

Не допусти такого срока!
Да сгинет в прорву сатана!
И подвиг святости высокой
Зачтут Иные времена.

И повторят твоё название
И всякий зверь, и всякий гад...
Земля моя! Моё сказанье!
Мой неизбывный Вертоград!

1982

* * *

Потому что я русский, возлюбивший отчаянно землю,
Где бесплодные бабы налившийся колос растят,
Я фамильный погост как последний окоп свой приемлю
И, ступив на колени, расту на державных костях.
И смотрю в небеса, и с поющей душой бездорожий
Принимаю всю грязь, что монголо-татарин месил,
И люблю я народ, что, не выйдя ни кожей, ни рожей,
В мировой океан лапоть свой против ветра пустил.
Потому что я русский, живущий под Божеским небом,
Потому что есть мать, что приветит больного врага,
Поделюсь я с ним, грешным, блокадным, но выжившим хлебом.
И пусть жрёт нашу землю, с неё отправляясь в бега.
Пусть вопит на весь мир, что живу и люблю я, умея
Лишь мечами махать, помирая, водяру глушу...
Но казаха, тунгуса и дикого ныне еврея
К океанам-морям, словно тот Моисей, вывожу.
Потому что я русский, я знаю безбожные годы:
Как простой мужичок, что коряв, хитроват и бескрыл,
Глядя Богу в глаза, создавая Империи своды,
По колено в кровище величие духа творил.
И свои семена сею я уже в наших потёмках.
По ночам умирая, с утра возвожу русский Храм.
И по крови моей, заливающей землю потомков,
Корабли уплывают к неведомым материкам.

1995

